П23
2296

Освобождение трудящихся,
есть дело самих трудящихся!

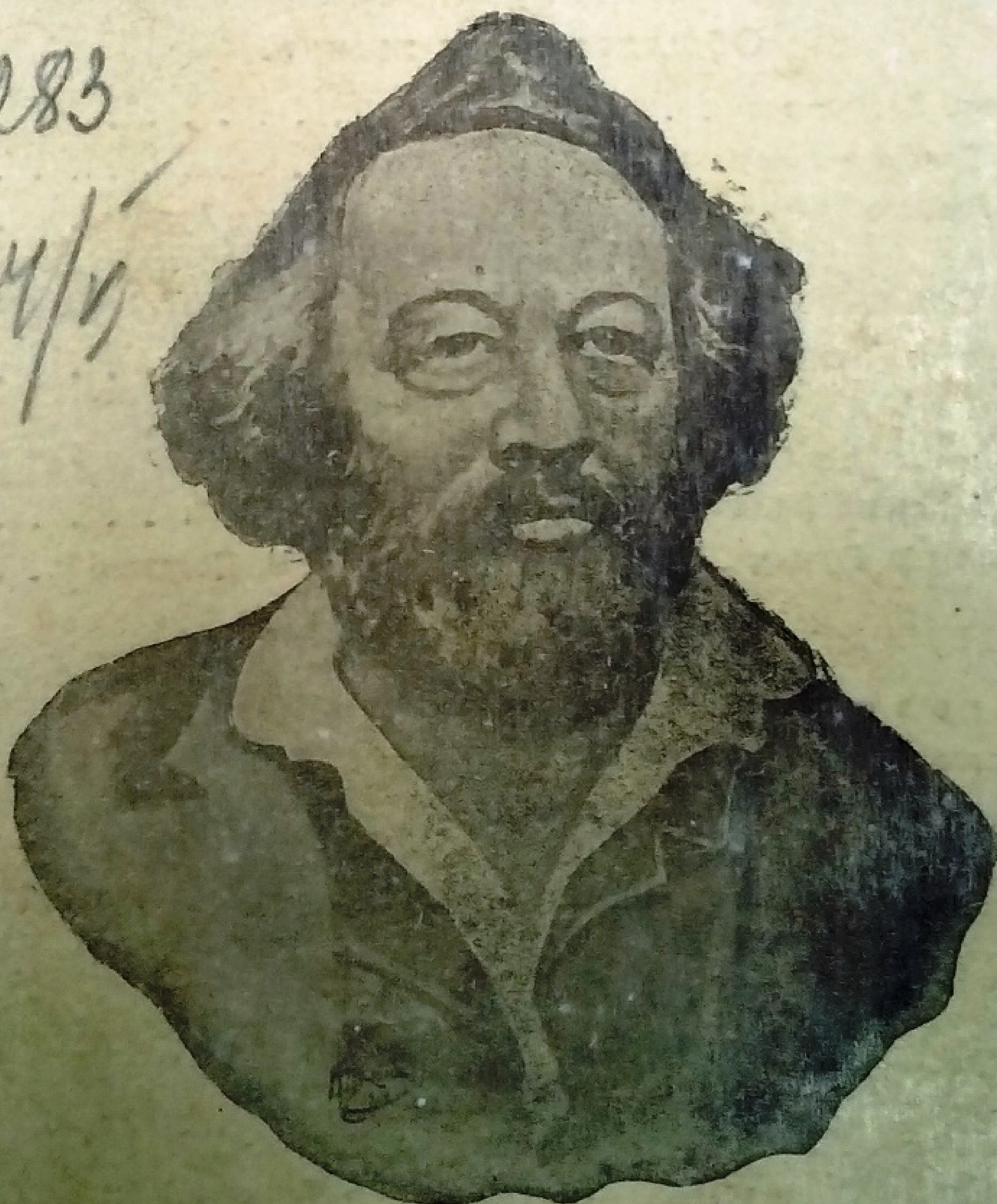
Вольный Труд

982

Орган Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских Групп.

№ 1. 23 Ноября 1918 г.

283
24/V

М. Бакунин.

П23
2296

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Редакционная 3

Теоретический отдел.

Б. С. Анархизм и социализм 4

Общественная жизнь.

Лопш. Задача дня 12

М. Топтыгин. Наша позицяи 14

Л. Грабарь. Антимилитар. пропаганда и Красная Армия . . 17

Товарищеские беседы.

Семеныч. Несколько слов об анархизме 20

Художественный отдел.

В. Э. Дерзай (стихотворение) 23

Александр Беркман. Молодежь. Пер, с англ. Н. Полевого . . 23

Хроника.

Договор 27

К истории возникновения Питер. Федерации 29

Отчет 30

Об'явления

От редакции.

Приступая к изданию первого в России теоретического Анархо-Синдикалистского журнала, мы намерены руководствоваться во всей своей дальнейшей работе старыми принципами Анархо-Синдикализма, среди которых первое место занимают следующие два принципа:

1) „Не теория родит движение, а в движении родятся и гибнут теории";

2) „Освобождение трудящихся есть дело самих трудящихся".

Эти два основных начала заранее предопределяют всю работу теоретического Анархо-Синдикалистского журнала. Мы вовсе не намерены по интеллигентски засесть за теорию, мы хотим только подмечать и указывать в реальном движении те или иные моменты, имеющие, так сказать, общее значение, чтобы потом, руководствуясь ими, легче можно было бы разбить окончательно иго капитала и власти.

Считаем необходимым также напомнить товарищам, что страницы нашего журнала открыты для всех тов. Анархо-Синдикалистов, просто Анархистов и просто Синдикалистов. С этой целью мы в первое же время, кроме отделов теоретического, общественной жизни, хроники и художественного—открываем еще отдел „товарищеской беседы", где будут помещаться статьи дискуссионного характера, беседы и вопросы и ответы на различныя темы.

Редакционный коллектив.

Анархизм и Социализм.

Зачатки социализма, как властного, т. е. государственного так и свободного, т. е. анархизма, заходят глубоко в древность. Уже у основателя школы стоиков, **Зенона** (IV—III век до Р. Х.) мы находим идеи социализма вообще и анархизма в частности. В своем социально-философском учении Зенон все время говорит об обществе, в котором **все люди будут братьями** и в котором только и может осуществиться идеал школы стоиков,—**освобождение от страданий**“

Спустя три века мы сталкиваемся с великой, вполне законченной, но до сих пор еще непонятой **нравственной** системой свободного социализма—с учением **Христа**. Мысль об освобождении человечества от страданий является первоосновой всего этого учения. Но как достичь этого? Какими путями пойти, чтобы дойти в конце концов до общественной жизни, где все люди будут братья, где не будет страданий и где все будут равны? Путь к этой жизни по учению Христа—один **самоусовершенствование**. Каждый кто проповедует и ждет искренне этой жизни—Царствия Божьего на земле—должен усвоить не только на словах, но и на деле один принцип: **поступай с другими так, как хочешь, чтобы с тобой поступали.** „Учение Иисуса удивляет и прельщает весь народ тем, что оно признает всех свободными“, и множество людей следуют этому учению не только на словах, но и на деле. Всюду возникают христианские общины, жизнь в которых построена на чистых, еще не загрязненных, принципах Христова учения. Впоследствии, главным образом с момента обращения в христианство **Савла** (Ап. Павла), эти общины постепенно удаляются от своей первоначальной задачи, от своих первоначальных основ и вырождаются в **религиозные** общества в **христианскую церковь**, которая уже с IV-го века после Р. Х. имеет общее с учением Христа только лишь в названии.

Великолепную социально-философскую конструкцию свободного социализма находим мы, затем, у **Карпократа**, представителя школы гностиков (III век после Р. Х.)· Карпократ учил об обществе, в котором должно отсутствовать всякое **принуждение**, в котором **все будут равны**. Каждый волен поступать так, как ему хочется, и всякий имеет равное с другими право на все.

Далее очень интересную разработку вопросов социализма, вообще и анархизма в особенности дала схоластическая школа (IX—XIV век) первого периода своего существования в лице лучших своих представителей: аббата **Иоахима фон Флориса** и магистра **Амальриха фон Бена**. Оба они проповедывали общество, в котором не должно быть **принуждения**, общество построенное на **безвластном, непринудительном** начале. Образцом такого общества, по мнению **Иоахима**, могла бы послужить церковь, если бы она не была загрязнена различными ложными, антихристовыми учениями. В каждом человеке, учил **Амальрих**, живет Божество, и только это Божество является властителем, судьей и руководителем в жизни человека. Никаких внешних властей не должно быть, полное **самовластие** должно сменить внешнее принуждение. Эти учения, идущие прямо против господствующего учения Церкви, жестоко преследовались светскими и духовными властями, но несмотря на это, они пользовались огромным успехом у современников и имели большое число стороников и последователей. **Амальриху** удалось даже организовать общество „Братьев свободного духа“, в основе которого, как видно из самого названия, лежала идея **свободы**, принцип **безвластия**, отсутствие внешнего принуждения, мысль об абсолютном **самовластии индивида**.

Естественным продолжением социально-философского учения схоластической школы были идеи „**тысячелетнего царства**“, долго занимавшие умы лучших людей, и в XVI веке сменившиеся учением **естественного права**, господствовавшем в течении трех столетий.

Учение об **естественном праве** имело огромное влияние на развитие социализма, который с конца XVIII века начинает оформляться в более или менее ясные, определенные законченные очертания. Под влиянием этого учения целый ряд талантливых мыслителей, как **Хупер, Лессинг, Годвин, Сен-Симон, Овен, Фурье, Луи Блан и др.** намечают и разрабатывают впервые основные начала **экономической** жизни, как будущего, так и современного им строя. Их работами впоследствии воспользовались Прудон, а отчасти и Маркс для окончательной формулировки двух систем социализма: свободного или анархического и принудительного или государственного.

Так называемая „классическая школа политической экономии“, отцом которой считают **Адама Смита**, имела тесную связь в своем зарождении с учением об естественном праве. В своей знаменитой работе „Богатство народов“. А. Смит установил впервые окончательно теорию трудовой ценности, известную также под именем **об'ективной теории ценности**, сущность которой заключалась в следующем: истинным мерилом ценности является труд, или иначе: „**Ценность** товара равна тому, что он **стоил**“. Эта об'ективная теория ценности послужила

основным базисом целого ряда социально-экономических доктрин, среди которых наиболее интересной и ясной является система Прудона.

Прежде всего из об'ективной теории ценности Прудон логически заключил о праве на весь продукт труда, а отсюда, что единственно правильной и естественной оплатой труда является его продукт; только труд является источником дохода (не считая наследования, дарения, находки и т. п.). Всякий доход, идущий как бы из другого источника есть ни что иное, как присвоение продуктов чужого труда. Это присвоение продуктов чужого труда идет тремя путями: путем **ренты, процента** и **прибыли**. Рента, процент и прибыль суть три способа взимания дани в пользу **капитала.**

Что же такое капитал?

Капитал—это тот же продукт труда, накопленный труд, уже получивший сполна свою оплату.

Как накопленный труд, уже получивший сполна свою оплату, капитал должен стать даровым для всех, должен быть обобществлен. Все имеют одинаковое, равное право на капитал, и никто—какого нибудь особенного, преимущественного права на него. Так должно было бы быть, но в действительности дело обстоит иначе. Капиталы, путем обмана, хитрости, грабежа и насилия вообще, присвоены одним классом, за спиной которого стоит государство, санкционирующее этот грабеж, это воровство, эту кражу. **Собственность—воровство** говорит Прудон.

Землевладелец, заводчик, фабрикант, банкир, биржевик, купец имеют возможность владеть награбленными капиталами и продолжать при помощи их дальше грабить труд, (точнее, продукты чужого труда) лишь потому, что они опираются на организованную материальную и интеллектульную силу государства. Войско, полиция, деньги, право, суд, пресса, наука и религия—вот сообщники, помощники, пособники и укрыватели грабителей.

В то время, как право на труд всякому предоставлено, право на капитал монополизировано одним классом, принцип laissez faire laissez passer применяется лишь к труду, капитал же от него забронирован.

Чтобы уничтожить раз на всегда грабеж, чтобы обеспечить труду его естественную оплату, необходимо освободить капитал из рук захватившего его класса и сделать его свободным, доступным для всех, применитъ и к нему указанный принцип.

А для этого необходимо **уничтожить государство**, поддерживающее монополию капитала в руках одного класса.

Путь к освобождению человека от ига капитала лежит **через свободу, через уничтожение власти**, характерного признака государства, и **через освобождение капитала.**

Каждый имеет право на труд и на капитал.

Такова в самых кратких чертах социально-экономическая система свободного социализма или анархизма, получившая окончательную формулировку в трудах Прудона: „Что такое собственность?“ и „Система экономических противоречий или философия нищеты“.

Каждый раз, вскоре за появлением тех или иных положений теорий Прудона в печати, к таким же положениям и выводам приходил и К. Маркс. Является вопрос, приходил ли к этим выводам К. Маркс самостоятельно или же он заимствовал их у Прудона?

„Известно, пишет Г. Цокколи, что Маркс, а затем и Энгельс, вероятно руководствуясь целью об'ективной критики, не пропустили без внимательного изучения ни единого, даже незначительного пункта теории Прудона“. Это „известно“, если отбросить от него все предположения (вроде „вероятно руководствуясь“...). точно указывает каким образом приходил Маркс к своим выводам.

„Внимательно изучая“ К. Маркс извлекал из Прудона все необходимое и нужное. Говоря языком Бриссо (точнее языком Прудона не только сказавшего, но и доказавшего, что **собственность есть воровство**), Маркс воровал продукт умственного труда Прудона и выдавал за продукт своего личного умственного труда, извлекая из этого „собственного“ капитала прибыль и проценты, на которые впоследствии и открыла свою торговлю С.-Д. партия.

„Внимательно изучая“, Маркс в то же время не упускал ни одного удобного случая, когда можно было бы облить грязью Прудона, Бакунина и других видных честных, искренних борцов за лучшее будущее человечества. „Внимательно изучая“ Маркс занимался также изменением основных положений теорий Прудона, приспособлением их к „реальной действительности“, изменяя не только внешний вид этих положений, но очень часто и внутреннее их содержание, одурачивая рабочий класс, увлекая его не по пути изменения **основ** общественной жизни, не по пути **революции**, но по пути изменения ее **внешнего** вида, ее **формы**, по пути **реформирования**.

Разбираясь в современной экономической структуре общества, Маркс, как и Прудон, вполне правильно отмечает, что человек в настоящее время находится в рабском подчинении у имущих классов, владеющих всеми средствами производства. Маркс правильно усматривает корень всего зла—**собственность**.

Но что же он предполагает сделать, чтобы освободить современного раба?

Экспроприировать все средства производства у имущих классов и передать их... Кому?.. Государству. Таким образом, **собственность**, как видите, не уничтожается, а только лишь **реформируется: частное право собственности** заменяется **государственным правом собст-**

венности. Вместо многих отдельно существующих хозяев-капиталистов, будет существовать только один справедливый хозяин, собственник всех капиталов, средств производства. И дабы, прибавляет дальше социализм, ,,освободить промышленность из под господства индивидуальной алчности“ (подразумеваются чиновники при национализированной промышленности) необходимо будет ввести государственный контроль, контроль сверху. Нынче этот контроль под именем ,,рабочего контроля“ уже проводится в жизнь.

К чему же приведет человечество эта новая система экономической жизни?

А вот к чему.

Государство, став полноправным хозяином капитала, подчинит себе безгранично труд, его распределение между членами государства и оплату его. **Контроля, вмешательства** и даже **конкуренции** не будет, и государство, следовательно, будет свободно во всех своих действиях.

Государственная монополия вытеснит конкуренцию.

Контроль над действиями хозяина-государства попадает в руки самого контролируемого, т. е. государства.

Всякое вмешательство извне будет отражаться ,,государственной властью“, опирающейся во всех своих действиях на материальную и интеллектуальную силу всего общества, находящуюся в полном подчинении у государства. Надеяться же на то, что ставшие у кормила власти будут настолько честны, справедливы и благородны, что над ними не нужно будет никакого контроля, что никакого вмешательства со стороны в их распоряжения не потребуется—нельзя. Ибо, как показывает жизнь, даже в добровольных производительных и потребительских организациях, хотя бы кооперативах и др. правление часто заходит в своем ,,правлении“ так далеко, что члены начинают вполне справедливо роптать на ,,произвол и тиранию администрации“. Если произвол и тирания наблюдаются сплошь да рядом в организациях добровольных, в условиях множественности таких добровольных организаций, и возможности перехода каждого члена в любую другую организацию или даже выхода вообще из таких организаций, то каково же положение будет в ,,социалистическом государстве“, построенном прежде всего на принуждении, опирающемся на силу и не имеющем себе конкурента.

Члену будущего ,,социалистического государства“ нужно будет или подчиниться насилию и произволу или же уйти из государства. Но куда уйти! На необитаемый остров?.. Но, разве можно будет найти на земле такой необитаемый остров, на который государство не будет распространять свою власть?

Итак, вместо сотен, тысяч эксплоататоров капиталистической системы производства, эксплоататоров находящихся в вечной непримеримой вражде, благодаря все тому же психологическому моменту „господству индивидуальной алчности", конкурирующих друг с другом, не имеющих, в желаемом для них количестве, средств нападения на эксплоатируемый класс и средств защиты от него, все время находящихся под тем или иным контролем общества, с одной стороны, в рынка—с другой,—вместо всего этого Маркс сулит нам одного всесильного, всемогущего, вездесущего, всезнающего, всеправедного, вседовольного, извлекающего из подвластных для господствующего класса все небесные и земные блага хозяина—эксплоататора—**Государство.**

Короче говоря, идеал, к которому хочет привести Маркс человечество, есть идеал полного, абсолютного рабства в, сравнении с тем относительным рабством, в котором находится человечество сейчас.

В оправдание и в утешение за все это Маркс указывает на то, что все это (рабство) будет твориться **ради** общества, **ради** человечества. Эта ссылка на **ради** достаточно говорит за то, что и Маркс не совсем высокого мнения о своем социально-экономическом идеале, ибо то, что хорошо—хорошо само по себе, без всяких **ради**.

И какая разница для меня, как для человека, является ли моим угнетателем индивид или общество, точнее государство?..

Скажут: „в благополучии общества и твое благополучие". Предположим, что так, хотя это нужно было бы еще доказать, но тогда зачем и причем насилие? Разве человек враг себе? Разве, если жизнь докажет ему, что в единении сила, то он откажется сам добровольно вступить в договор с обществом? Конечно, нет. И анархизм поэтому все время и повторяет: коль скоро человек поймет в чем и где его счастье, добро, благополучие, он сам туда пойдет и сделает добровольно, без принуждения, все то, что нужно, и что не будет идти вразрез с его внутренним „я". Но проповедуя это, анархизм помнит и различает общество и государство, общество, как коллективное **естественное** соединение людей и государство, как **искусственную** спайку людей находящихся во вражде (властвующие и подвластные), спайку, покоющуюся на грубой силе—принуждения, как психического, так и физического.

Зная и помня эту разницу между государством и обществом, анархизм знает и помнит разницу между благом общественным и государственным, знает и помнит разницу между социально-экономическим идеалом анархизма—**социализацией**, как системой ообобществления средств производств и социально-экономическим идеалом социализма—**национализацией**, как системой огосударствления тех же средств производства.

венности. Вместо многих отдельно существующих хозяев-капиталистов, будет существовать только один справедливый хозяин, собственник всех капиталов, средств производства. И дабы, прибавляет дальше социализм, ,,освободить промышленность из под господства индивидуальной алчности" (подразумеваются чиновники при национализированной промышленности) необходимо будет ввести государственный контроль, контроль сверху. Нынче этот контроль под именем ,,рабочего контроля" уже проводится в жизнь.

К чему же приведет человечество эта новая система экономической жизни?

А вот к чему.

Государство, став полноправным хозяином капитала, подчинит себе безгранично труд, его распределение между членами государства и оплату его. **Контроля, вмешательства** и даже **конкуренции** не будет, и государство, следовательно, будет свободно во всех своих действиях.

Государственная монополия вытеснит конкуренцию.

Контроль над действиями хозяина-государства попадает в руки самого контролируемого, т. е. государства.

Всякое вмешательство извне будет отражаться ,,государственной властью", опирающейся во всех своих действиях на материальную и интеллектуальную силу всего общества, находящуюся в полном подчинении у государства. Надеяться же на то, что ставшие у кормила власти будут настолько честны, справедливы и благородны, что над ними не нужно будет никакого контроля, что никакого вмешательства со стороны в их распоряжения не потребуется—нельзя. Ибо, как показывает жизнь, даже в добровольных производительных и потребительских организациях, хотя бы кооперативах и др. правление часто заходит в своем ,,правлении" так далеко, что члены начинают вполне справедливо роптать на ,,произвол и тиранию администрации". Если произвол и тирания наблюдаются сплошь да рядом в организациях добровольных, в условиях множественности таких добровольных организаций, и возможности перехода каждого члена в любую другую организацию или даже выхода вообще из таких организаций, то каково же положение будет в ,,социалистическом государстве", построенном прежде всего на принуждении, опирающемся на силу и не имеющем себе конкурента.

Члену будущего ,,социалистического государства" нужно будет или подчиниться насилию и произволу или же уйти из государства. Но куда уйти! На необитаемый остров?.. Но, разве можно будет найти на земле такой необитаемый остров, на который государство не будет распространять свою власть?

Итак, вместо сотен, тысяч эксплоататоров капиталистической системы производства, эксплоататоров находящихся в вечной непримиримой вражде, благодаря все тому же психологическому моменту „господству индивидуальной алчности", конкурирующих друг с другом, не имеющих, в желаемом для них количестве, средств нападения на эксплоатируемый класс и средств защиты от него, все время находящихся под тем или иным контролем общества, с одной стороны, и рынка—с другой,—вместо всего этого Маркс сулит нам одного всесильного, всемогущего, вездесущего, всезнающего, всеправедного, вседовольного, извлекающего из подвластных для господствующего класса все небесные и земные блага хозяина—эксплоататора—**Государство.**

Короче говоря, идеал, к которому хочет привести Маркс человечество, есть идеал полного, абсолютного рабства в, сравнении с тем относительным рабством, в котором находится человечество сейчас.

В оправдание и в утешение за все это Маркс указывает на то, что все это (рабство) будет твориться **ради** общества, **ради** человечества. Эта ссылка на **ради** достаточно говорит за то, что и Маркс не совсем высокого мнения о своем социально-экономическом идеале, ибо то, что хорошо—хорошо само по себе, без всяких **ради**.

И какая разница для меня, как для человека, является ли моим угнетателем индивид или общество, точнее государство?..

Скажут: „в благополучии общества и твое благополучие". Предположим, что так, хотя это нужно было бы еще доказать, но тогда зачем и причем насилие? Разве человек враг себе? Разве, если жизнь докажет ему, что в единении сила, то он откажется сам добровольно вступить в договор с обществом? Конечно, нет. И анархизм поэтому все время и повторяет: коль скоро человек поймет в чем и где его счастье, добро, благополучие, он сам туда пойдет и сделает добровольно, без принуждения, все то, что нужно, и что не будет идти вразрез с его внутренним „я". Но проповедуя это, анархизм помнит и различает общество и государство, общество, как коллективное **естественное** соединение людей и государство, как **искусственную** спайку людей находящихся во вражде (властвующие и подвластные), спайку, покоющуюся на грубой силе—принуждения, как психического, так и физического.

Зная и помня эту разницу между государством и обществом, анархизм знает и помнит разницу между благом общественным и государственным, знает и помнит разницу между социально-экономическим идеалом анархизма—**социализацией**, как системой обобществления средств производств и социально-экономическим идеалом социализма—**национализацией**, как системой огосударствления тех же средств производства.

При социализации, собственность, это зло нынешнего строя, уничтожается совершенно, при национализации она принимает лишь другую оболочку, оболочку государственности. При социализации капиталы и орудия производства не принадлежат никому, они—ничьи, при национализации они принадлежат государству.

Итак, Маркс пришел к заключению, что капиталы должны быть национализированы, т. е. отданы в монопольную собственность государства (Прудон, как мы выше указывали, настаивал на том, что капиталы должны быть социализированы, т. е. должны составлять не монопольную собственность какого-нибудь класса, а должны принадлежать всем, по принципу: все принадлежит всем). Государство по Марксу должно быть собственником всех капиталов, люди же должны стать рабочими, получающими работу от государства. Общество должно превратиться, таким образом, в какое-то бюрократическое учреждение, а все члены его—в государственных чиновников. Вся промышленная и торговая деятельность, вся экономическая жизнь общества должна сосредоточиться в одной всеоб'емлющей универсальной государственной **монополии**.

Такова вкратце теория государственного социализма по К. Марксу.

Итак, в то время, как **анархизм** пошел к освобождению человека путем свободы, путем освобождения капитала и уничтожения монополии и государства, на котором зиждутся монополии, **социализм** пошел путем власти, путем универсального государственного монополизирования капиталов.

Первый верил в человека и требовал для него полной свободы, утверждая, что для человеческого общежития ,,свобода—мать порядка", второй подозрительно относился к человеку, требовал для него плетки, утверждая, что в человеческом общежитии может быть порядок только тогда, когда имеется „сильная власть".

Для всякого не мудрствующего лукаво должно, на основании истории, быть ясно, что путь власти никогда не приведет нас к свободе.

Власть и свобода—две вещи несовместимые.

Власть всегда стремится расширить сферу своего влияния, перейти границы отведенные ее действию, и не встречая на своем пути сопротивления со стороны индивидов, воспитанных в духе слепого подчинения и преклонения перед государством, власть в конце концов охватит в сферу своего влияния все, даже самые интимные (вплоть до духовной) стороны человеческой жизни. О какой же свободе при такой перспективе можно говорить?

Повторяем, власть и свобода—две вещи несовместимые.

Илы власть, или свобода,—пусть каждый выбирает.

Б. С.

Товарищи!

ВТОРАЯ
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

начнется в Москве,

25-го ноября 1918 года.

Больш. Чернышевский пер., д. 18, кв. 2.

Всероссийским Секретариатом намечен следующий порядок работ II-ой Конференции:

1) Текущий момент,
2) Политическое устройство России,
3) Экономическое устройство России,
4) Культурное устройство России,
5) Аграрный коммунизм,
6) Анархическая тактика,
7) О Всероссийской Конфедерации,
8) Пропаганда,
9) Орган Конфедерации,
10) Средства и пр.

Задача дня.

В третьем № газеты „Вольный Голос Труда“ тов. Г. Лапоть напечатал статью „Мертвые стыда не имуть“, в которой дает пылающую негодованием революционную оценку, ныне отошедшего уже в вечность „красного террора“. Заканчивая свою статью, тов. Лапоть говорит: „Не террор, а единый революционный фронт рабочих и крестьян, единое революционное чувство и разум, не раз уже спасавшие Революцию—вот что нужно теперь“.

И вот об этом то „едином Революционном фронте“ мне и хочется сказать пару слов.

Жизнь — наш единственный вождь и учитель — показала, что революцию создает и спасает не организация, да еще при помощи принудительного набора „революционных“ дружин, долженствующих из под палки драться на баррикадах, — но единое революционное настроение, революционный энтузиазм, об‘единение, тех социальных группировок, что творят революцию и в ней заинтересованы.

Великая Французская Революция... Ее творили буржуа и крестьянство. И их революционное единение спасло Революцию и создало Вальми.

Рабочие и буржуазия были заинтересованы в свержении реставрированных Бурбонов и, вместе с Бурбонами, — возвратившегося старого строя. И единение рабочих и буржуазии скинуло Карла X; раскол же в рядах восставших, вызванный противоречивостью интересов двух восставших общественных группировок, создал „короля баррикад“—Луи Филиппа.

В Берлине, в 48-ом году, революция, творимая буржуазией и рабочими, пылала... Но единение социальных групп, творивших ее, распалось—и Вильгельм, только что отдававший честь телам убитых на баррикадах борцов, без всякого труда в корне подавил ее.

Главнейший признак, отличающий нынешнюю революцию, от всех предшествовавших,—заключается в **единстве интересов** творящих ее социальных категорий. Ее творили крестьяне и рабочие, и они, только они, заинтересованы в ее продолжении и превращении в перманентную социально-экономическую. Цели и задачи их — одни и те же. Им не из за чего фактически расходиться.

И теперь, когда, всякому мыслящему человеку, не одурманенному победными фанфарами „Красной Газеты“, видно,—что на Западе, в Германии, где создана соглашательская „шестерка“, далеко не все обстоит благополучно, что рабочим всего мира еще много нужно пролить крови в борьбе с буржуазией и соглашателями; что чехословаки и Учредилка далеко еще не побеждены, что на Севере все еще крепко сидят англичане; что и в Киеве, и на Дону и во Пскове создаются, при любезном содействии Антанты, Северные, Южные и прочие армии; что неминуем натиск интернационального капитала на Революцию,—и теперь, только теперь, Революция возрождается снова, как Феникс из пепла...

Революция возрождается — Революция в опасности!

И спасти ее от гибели может только единение общественных группировок, ее творивших и в ней заинтересованных, их „единое революционное чувство и разум“ — единение рабочих и крестьян... Революция создана ими. Она—рабочая и крестьянская. Правда, революционеры-работники пошли в ней по старому, ложному пути захвата власти в существующем государстве. Но их задачи, и экономические и политические, еще не разрешены, они еще добились немногого, революция еще продолжается и настанет час, когда глаза работников раскроются.

Их интересы и задачи — одни и те же...

Борьба с капиталом, борьба до конца.

А раз так — то революционное единение работников не только необходимо, но и возможно и естественно.

С чувством глубокой радости нужно отметить, что лозунг единого рабочего революционного фронта воспринят всеми, кажется, группами анархо-синдикалистов Питера и в нашей среде царит по этому вопросу почти полная солидарность.

Но практически — для многих товарищей проведение этого лозунга в жизнь представляется неясным. „Неужели мы, анархисты, пойдем сговариваться с партийными комитетами? Единый то фронт, пожалуй, нам и удастся создать — да нас самих оттуда выкинут“! говорили они.

А большевики представляют себе разрешение этого вопроса и еще более просто.—„Берите, дескать, пример с народников-коммунистов: все идите в нашу партию. Будете все у нас — вот вам и единый фронт“!

Конечно, не нам анархистам заботиться о том, чтобы комиссарские и прочие посты были правильно распределены меж комитетами одурманивающих работников партий. И по простой причине: наш лозунг — „Освобождение рабочих есть дело самих рабочих“ — мы

понимаем не как долженствование (вот-де, если Ленин даст рабочим свободу и все материальные блага — так это плохо; а если сами рабочие возьмут их, так это будет хорошо). Но как единственный возможный метод революционной борьбы. И другого быть не может: свобода и революционные завоевания не могут быть даны — они берутся.

А потому не к комитетам, создавшим разруху всей российской жизни, расколовшим рабочее движение, — но к самим массам работников пойдем мы, и нашей пропагандой единого революционного рабочего фронта зажжем в их сердцах энтузиазм и пробудим в них „единое революционное чувство и разум“... И сами массы, очнувшись от спячки, повлияют на своих „вождей“.

И не в составлении нового кабинета министров из партийных говорунов всех мастей и оттенков заключается задача дня.

Но в создании единого революционного фронта всех работников,—в пробуждении в них единого чувства и разума борцов.

Революция возрождается.

Революция в опасности.

Спасайте же Ее!..

Лопш.

Наша позиция.

Около трех месяцев прошло с того момента, как делегаты анархо-синдикалистских групп собрались с разных уголков Красной России в целях разрешения многих назревших и требующих обсуждения вопросов, среди которых самое большое значение имел вопрос о нашем отношении к правящей партии в процессе практической работы, работы среди масс.

На-днях начнется 2-ая Всероссийская Конференция, на которой желательно поднять одним из первых вопросов, вопрос о той позиции, какую должны мы, анархо-синдикалисты, занять не в области идейно-политической борьбы, она для нас более или менее разрешима, а в области практической, повседневной работы, без которой первая сводится к одному голому словоизвержению.

Масса перестала ценить слова, она требует дела; она требует выявления идеологии в самой работе.

Массе надоел словоток.

Этот жгучий вопрос стоит перед нами во весь рост и требует разрешения.

Вопрос до болезненности ощутимый и к решению его необходимо подготовиться, необходимо всем нам высказаться, договориться, чтобы в Москве придать ему определенную форму.

События развертываются с такою головокружительной быстротой, что не только такие, как три месяца, но даже суточные периоды подчас кажутся слишком длинными и принятые накануне решения—сегодня устарелыми, ненужными.

В настоящее время мы, анархо-синдикалисты, являемся единственными оппозиционерами правящей партии, выразителями левого направления рабочей мысли и это тем более нас обязывает в повседневной работе быть на-чеку, твердо стоять на своем посту, зорко следить за всем вокругъ совершающимся.

От нашей позиции зависит и наша роль в рабочем движении.

Прежде чем перейти непосредственно к попытке разрешения являющегося целью настоящей статьи вопроса, к определению самих себя в повседневной практической работе и выявлению нашего отношения к стоящей ныне у власти партии, необходимо очертить выставленные этой партией положения, те вехи, которыми она думает руководствоваться в своем политическом движении и проследить за тем, следует-ли она по намеченному пути или уклоняется в сторону.

Идейный вдохновитель большевистской партии Ленин, с апреля прошлаго года, определенно, на Всероссийской конференции Р.С.Д.Р.П. (большевиков), отказался от звания члена этой партии, об'явил себя коммунистом и тем самым положил начало Российской Коммунистической Партии (большевиков).

Изменение партийной марки не было простым переменованием ярлыком, налепленным на старую форму социал-демократической программы. Нет. Переименованию партии предшествовал отказ от социал-демократизма, от государственности в том смысле, как его понимают отживающие всюду социал-демократы.

Отказ, подробно обоснованный в его проэкте программы пролетарской партии.

С этого момента Ленин и его единомышленники в своих теоретических положениях, волею судеб, одною ногою вступили на путь анархизма, но, не будучи в состоянии сделать над'органического скачка, резкого перехода от того, во что веровали раньше, отделаться сразу от с.-демократической заразы, апрельские коммунисты стоят за сохранение, хотя и новой, но все же государственной формы, подчеркивая, что эта форма не „плод досужей фантазии“, а форма рожденная самою революцией, самим народом.

„Жизнь создала,—пишет Ленин—революция создала **уже на деле***) у нас, хотя и в слабой, зачаточной форме, именно это, новое „государство", **не являющееся государством** в собственном смысле слова.

Это **уже****) вопрос **практики масс, а не только теория вождей**"***).

Приведенные цитаты Ленина разве не образец эволюции мысли от социал-демократизма к анархизму, разве не признание эволюции форм общественной жизни через государственный коммунизм к коммунизму безвластному—анархизму. Что это начало эволюции большевистской мысли, видно из той же брошюры:

„Наша партия смотрит дальше: **социализм неизбежно должен постепенно***) перерасти **в коммунизм,** на знамени которого стоит: **„каждый по способностям, каждому по потребностям"****).

А это разве не перефразировка анархического лозунга?

Разве это не постепеновский анархизм?

Программа коммунистов (большевиков) недавно выпущенная Бухариным вторит Ленину.

„Коммунистический строй жизни—это такой строй, где нет ни рабочих, ни капиталистов, где нет **никакого государства**".

Разница лишь в том, что он более подробно останавливается на оправдании (очевидно из болезни, что коммунистов-большевиков примут за анархистов) существования современной государственной формы, указывая, что:

„Из свойств переходного (курсив Бухарина) времени вытекает **необходимость**" в рабочем государстве.

Как Ленин в своем проэкте платформы, так и Бухарин в программе, излагая свои положения, выражая свои взгляды на структуру общественной жизни, все время впадают в анархизм и каждый раз стараются отгородиться от последнего, подчеркнуть свое отличие от него.

И то характерно, что первый, не вдаваясь в детали теоретических построений, меньше углубляется в анархизм, а поэтому и более спокойно старается указать разницу между большевистским коммунизмом—коммунизмом государственным и анархическим; второй же, на долю которого выпала разработка положений программы, вдаваясь

---

*) Курсив Н. Ленина.
**) Тоже.
***) Н. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции.
****) Курсив Ленина.
*****) Н. Ленин. Задачи пролетариата в нашей революции.

в детализацию их, дальше заходит в анархические дебри, никак не может отделаться от анархических положений и, будучи бессилен провести в идеологическом смысле резкую грань между теми и другими, часто, вместо указания разницы по существу, занимается неосновательными нападками на анархистов, допускает демогогические приемы (от которых правящая партия никак не может поныне отделаться) и передержки.

Но все эти приемы мало того, что бьют мимо цели, они указывают на бессилие коммунистов удержаться на своей позиции, замедлить поступательное движение в сторону анархизма, скажу точнее, в сторону анархо-синдикализма, к которому они теоретически подходят все плотнее и плотнее.

М. Топтыгин.

Антимилитаристская пропаганда и Красная Армия.

Наша пропаганда и агитация никогда не вкладывалась в рамки определенных условностей, в рамки задервенелой косности. Она была и остается гибкой, многообразной, как сама жизнь. Мы знали и знаем, что наши идеи вкореняются сами собою, ибо они суть идеи и принципы жизни. Наша же пропаганда имела целью лишь ускорение процесса осознания массами азбучных истин с одной стороны, и разложение государственного механизма с другой.

С последней целью мы всегда самым энергичным образом вели антимилитаристскую пропаганду, и, быть может, военные бунты, имевшие место в последнее время в Голландии, являются ростками тех семян разложения, что посеяли наши голландские товарищи, хотя бы, Д. Ньювангюйс.

Сейчас в Питере мы присутствуем при возрождении массового революционного рабочего движения — при возрождении анархо-синдикализма. И перед нами встает вопрос—будем ли мы употреблять наш старый испытанный прием—разложение армии? Поведем ли мы антимилитаристскую агитацию против существующей ныне, названной Красной Армии, со старым порядком, старыми фетишами, прежним укладом жизни, чуть чуть не с цуканием?

Ведь для нас ясно, что Русской Революции придется вести грандиозную борьбу, только еще зарождающуюся. Борьба не на узких улицах города, не на баррикадах,—но в открытом поле, против регу-

лярных армий вымуштрованного белогвардейства и офицерства. Сможет ли Красная Армия помочь Революции в этой борьбе? Не сможет ли последняя обойтись своими силами, силами революционных повстанческих дружин?

Да, мы анархисты против Красной Армии, как и всякой регулярной армии. Но ведь Революции нужно будет не только обороняться, для чего так хороши повстанческие гверильи, но и нападать; не только расстреливать попавших к нам в руки „заложников", но и вести открытое наступление по всему фронту вооруженного до зубов Капитала. Да к тому же чем мотивировать агитацию против вступления в Красную Армию? Тем, что в ней введены снова знаки „отличия"? Или, как и прежде, призывая „не убивать своих братьев"? Но ведь мы же зовем в повстанческие дружины, одной из целей которых тоже является „убийство"? И убийство тех же самых „братьев-контр-революционеров", что и у Красной Армии.

Нужно перестать бояться названий, и вспомнить, что нас, революционеров, враги будут бить всеми способами, от регулярных батальонов и удушливых газов до офицерских добровольческих банд включительно.

Нужно признать, что лишь Повстанческое движение, в совокупности с Красной Армией смогут создать непреодолимую революционную силу, о которую разобьет себе голову международный Капитал.

Нужно антимилитаристскую агитацию против армии, в данном случае имеющей целью „защиту завоеваний революции", заменить агитацией против милитаристского духа, царящего в ней, и, усилив энергичную пропаганду идеи повстанческих дружин,—агитацию против регулярной красной армии временно отложить, как метод борьбы сейчас в условиях российской действительности непригодный.

Л. Грабарь.

Товарищи!

ВТОРАЯ
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

начнется в Москве,

25-го ноября 1918 года.

Больш. Чернышевский пер., д. 18. кв. 2.

Всероссийским Секретариатом намечен следующий порядок работ II-ой Конференции:

1) Текущий момент,
2) Политическое устройство России,
3) Экономическое устройство России,
4) Культурное устройство России,
5) Аграрный коммунизм,
6) Анархическая тактика,
7) О Всероссийской Конфедерации,
8) Пропаганда,
9) Орган Конфедерации,
10) Средства и пр.

Товарищеские беседы.

Несколько слов об Анархизме.

В 1901 году Л. Толстой писал: «Анархизм входит теперь в ту фазу развития, в которой был социализм 30 лет тому назад, он приобретает право гражданства в ученом мире». С тех пор прошло 17 лет, и можно сказать, что анархизм не только приобрел себе «право гражданства» в ученом мире, но пошел гораздо дальше: с анархизмом теперь приходится считаться не только как с «особой ветвью философии», как с «научной теорией», приобретающей себе «право гражданства в научном мире», но как с реальным социальным движением, угрожающем разрушить «правовые устои» современной действительности и все то, что покоится на этих устоях. Пора исключительной «кабинетной полемики», научной (освещающей, раз'ясняющей, углубляющей, расширяющей и исправляющей те или другие недочеты анархической теории) отодвинута на задний план, ее место заняли реальная борьба, не на жизнь, а на смерть, идеи полицейского социализма с идеей свободного социализма, идеи колективизма с идеей индивидуализма—с одной стороны и идей централизации с идеей наиболее широкой доцентрализации, как в политической, так и в экономической области—с другой стороны. Чем кончится эта борьба, кто и что победит—неизвестно. Одно, в настоящий момент, ясно и несомненно: идеи анархизма с каждым днем все глубже и шире проникают и охватывают жизнь, все более приобретают себе симпатий, и число сторонников анархизма быстро растет. Насколько отрадно для анархизма должно быть такое явление, мы не беремся судить, а укажем лишь на тот (печальный) факт, что в тот момент, когда идет, может быть, решительная борьба между двумя, глубоко разнящимися идеями социализма (коллективизма и индивидуализма) понятия и представления об анархизме и теперь очень часто, как и 20 лет тому назад,—смутны, неясны, а порой и вовсе неправильны.

Анархизм в настоящее время это—синоним беспорядка, разрухи, грабежа, убийства и т. п. отрицательных социальных явлений, служащих тормазом человеческого прогресса. А между тем, анархизм далеко

не обозначает того, с чем его связывают и смешивают не только, так называемые, широкие круги населения, но и ученые публицисты, посвятившие долгие годы своей жизни изучению социальных и экономических вопросов, как например, можно указат на Адлера, Бернштейна, Бернацика, Бухарина, Гарро, Ломброзо, Либкнехта, К. Маркса, Плеханова, Потресова, Радека, Райхсберга, Штамлера и других. Нет, кажется, среди этих ученых и специалистов двух, понимающих и представляющих себе одинаково и хоть мало мальски правильно анархизм. О широких кругах, о массах — нечего, конечно, и говорить: понятия и представления об анархизме там большей частью уродливые.

Этой уродливости понятия об анархизме в массах много способствует то, что пропаганда и популяризация анархизма очень часто попадала и попадает в руки разных партийных и беспартийных «дельцов», явно или тайно стоящих против анархизма. На книжном рынке сейчас расбросаны десятки брошюр толстых и тонких статей (газетных и журнальных) этих «знатоков», «пропагандистов» и «популяризаторов» анархизма. Нет лекций, нет митинга, нет парламентарного выступления, где бы кто-нибудь из этих «пропагандистов» не лягнул бы по ослиному анархизм. Нет сомнения, что партийное освещение, «партийная тактика» проглядывает и выглядывает из за каждого предложения, каждого слова этих «популяризаторов» и, что эта тенденциозно-демагогическая пропаганда и популяризация анархизма приносит свои плоды,—сумбурно-уродливое понимание анархизма.

Всякому, познакомившемуся с анархизмом беспристрастно, известно, что анархизм ни нечто противоречущее, разрозненные клочки «чего-то», а стройная, вытекающая из одного общего начала, доктрина, не уступающая, по своим основным положениям и выводам, любой доктрине, любой теории, хотя бы теории, известной под именем «научного социализма».

Вся теория анархизма зиждется на данных, добытых наукой (социологией, юриспруденцией, экономикой, психологией, историей) и взятых из жизни, а исходным моментом ея является **личность**, проявившаяся и выявившаяся в обществе (коллективном соединении себе подобных.

Всякое положительное и отрицательное утверждение теории анархизма есть не „фантазия больных людей“, не фантазия утопистов, а исчерпывающе-логический вывод из всех данных, синтезис, выражаясь языком Гегеля, примиряющий выражение абсолютной идеи со всем тем, что противоречит этой идее, что отрицает ее.

Чем более углубляешься в изучение анархизма, тем яснее становится, что анархизм—храм, глубоко заходящий своим фундаментом в жизнь и науку, а своей вышкой парящий где то высоко и далеко в

небесах. Возможно, что это сплетение реального с идеальным, знания с верой, любви с ненавистью есть одна из причин непонимания анархизма.

Вот эти соображения и навели меня на мысль, товарищи, что нам нужно серьезнее отнестись к пропаганде Анархизма, что пропаганда Анархизма должна раньше всего и прежде всего исходить от нас, что на нападки против Анархизма нужно смотреть более серьезно, чем делали мы это до сих пор.

Семеныч.

ДЕРЗАЙ!

Дерзай! Дерзай, божественный строитель!
Над миром занеся и молот свой, и меч,
Дерзай разрушить все. Дерзай весь мир облечь
В одежды новые...
Дерзай вселенную ты за собой увлечь,—
Ты, жалкий раб вчера, и завтра—повелитель!..
Дерзай творить без граней бытие.
Как всем, оно тебе дано. Оно—твое.
И слушай: или мир,—безгранный, светлый мир,—
Тебе да станет всем,
Иль станет пусть для всех—для всех!—ничем.

В. Э.

МОЛОДЕЖЪ

Рассказ **Александра Беркмана.**
(Перевод с английского **Н. Полевого**).

I.

Вчера, входя к моему приятелю и только что открыв двери, я услыхал какой-то шум. Я знал, что Том опять начал скандалить.

Том, это—младший сын моего товарища, мальчик лет двенадцати.

— Почему я не могу получитъ этого?—слышу, кричит Том.

— Я тебе сказал, что не можешь,—отвечает сердито отец.

— Но я хочу знать, почему я не могу,—продолжает кричать Том.

— Не можешь и все тут! Замолчи теперь!

Я стоял там не долго: не люблю находиться там, где люди ссорятся. Но хотелось все таки знать, отчего они ссорились. Перед уходом я сказал Тому:

— Послушай Том хочешь пойти в парк?

— Идем,—ответил Том.

Мы с Томом старые друзья, но я не хотел сам выспрашивать, из за чего отец кричал на него.

— Видишь-ли,—заговорил он,—мои штанишки совсем изорваны, я просил отца купить мне новые. Он говорит, что это невозможно. Я спрашиваю, почему, а он велит молчать.

Я заметил, что Том очень сердится и думал, что он рассердился на отказ отца купить новые штанишки, но через минуту он говорит:

— И всегда только: Молчи! Это мне обидно. Отец никогда не говорит мне, почему. Нельзя и все! Том старался передразнить своего отца.

Том мне очень нравился: я видел, что он славный парень.

Почему бы ему не знать, то, что его интересует, спрашивал я себя. Идя с ним, я все думал об этом, как вдруг он опять заговорил:

— Я больше не ребенок,—сердито заявил он.—Отец об этом не знает.

— Знаешь что, Том, — говорю я, — если твой отец не желает ответить на твои вопросы, то я постараюсь это сделать.

— Пожалуйста!—весело воскликнул он.

Но через минуту Том говорит:

— Нет ты не сможешь.

— Почему?—спрашиваю я немного сердито.—Попробуй, может и смогу.

— Да нет это не потому,—отвечает он.—Есть много вещей, которые я хочу знать, я могу задать так много вопросов! И если тебя не будет со мною, как я запомню все это?

Да, в этом было затруднение! Мне хотелось знать, какие вопросы может предложит мне Том и я хотел помоч ему, ответив на них.

Но он был прав. Я человек занятой и не могу видеться с ним часто. Что делать? Идя вместе с Томом, я все смотрел на него. Его красивое молодое лицо было печально, я угадывал, что он о чем то глубоко думает. И вдруг он остановился.

— Слушай, я нашел выход,—вскрикнул он.—Я запишу все!

— Что ты хочешь этим сказать Том?

— Каждый раз, когда я захочу о чем нибудь спросить тебя, я запишу это и, когда увижу тебя, тогда и задам все вопросы за один раз.

— Это хорошая мысль Том,—ответил я.

— Это хорошая мысль,—повторил я.

— Но что ты скажешь вот о чем: ты напишешь все твои вопросы и принесешь их мне. Ты знаешь, что я издаю газету, ну—и я отвечу тебе на все твои вопросы в газете.

— Мое имя ты тоже поставишь там?—спрашивает он застенчиво.

— Да, если ты желаешь этого.

— Желаю ли я? Но—он остановился, как будто стесняясь.

— Но что, Том?

— Люди будут читать и подумают, что мои вопросы глупы...

— О, нет, не безпокойся об этом, Том. Вопросы никогда не бывают глупыми, если человек действительно желает что либо знать.

— Правда?

— Да.

Таким образом, мы заключили с Томом договор. Он обещал принести все свои вопросы, но боялся, что их будет слишком много.

Когда я об'яснил ему, что это - то и будет хорошо, он заявил, что скажет всем ребятам, чтобы и они задавали вопросы.

— У них у всех есть вопросы, — говорит он: и у мальчиков и у девочек тоже.

Я бьюсь об заклад, что и у вас, читающих эти строки—у мужчин, женщин, юношей и девиц—тоже имеются вопросы. Принесите их ко мне. Но сперва, я отвечу на первый вопрос Тома. Это тот вопрос, на который отец отказался ему ответить.

Продолжение следует.

Товарищи!

ВТОРАЯ
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
АНАРХО-СИНДИКАЛИСТОВ

начнется в Москве,

25-го ноября 1918 года.

Б. Чернышевский пер. д. 18, кв. 2.

Всероссийским Секретариатом намечен следующий порядок работ II-ой Конференции:

1) Текущий момент,
2) Политическое устройство России,
3) Экономическое устройство России,
4) Культурное устройство России,
5) Аграрный коммунизм,
6) Анархическая тактика,
7) О Всероссийской Конфедерации,
8) Пропаганда,
9) Орган Конфедерации,
10) Средства и пр.

ХРОНИКА.

ДОГОВОР

Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских Групп.

Капитал и власть разделили человечество на два противоположных лагеря. С одной стороны трудящиеся и подвластные, с другой—богачи и властелины, захватившие в свои руки все богатства мира.

Много раз трудящиеся и подвластные восставали против своих поработителей богачей и их верного слуги и защитника — государства, но каждый раз они терпели поражение, так как, не сознавая ясно своей конечной цели и средств, какими можно ее достигнуть, являлись лишь слепым орудием в руках своих врагов, и только тогда, когда трудящиеся и подвластные поймут единство своих интересов и разрушат путем **социальной революции** современный **капиталистический и государственный** строй общества, только тогда закончится борьба между этими двумя лагерями.

Разрушив капиталистический и государственный строй, трудящиеся должны будут начать строить общественную жизнь на новых началах: **Свободы, Братства и Равенства.**

Новое общество на своем знамени начертает:

1) Никакая власть не может заставить человека идти против велений

2) Все принадлежит всем.

3) От всякого по его способностям и всякому по его потребностям.

Для достижения этой цели необходимо создание единой классовой революционной организации трудящихся (отнюдь не политической партии), которая, ведя непосредственную борьбу с институтами капитала и власти, должна приучить трудящихся к инициативе и самодеятельности во всех их выступлениях, другими словами, создание организации, покоющейся на следующих основных принципах:

4) „Освобождение трудящихся должно быть делом самих трудящихся“.

5) Не теория подчиняет движение, но в движении родятся и гибнут теории.

Исходя из этих пяти основных принципов, являющихся основными анархо-синдикалистского движения, **мы, нижеподписавшиеся, Питерские Анархо-Синдикалистские Группы** заключаем **договор**, об'единяющий нас в **Питерскую Федерацию Анархо-Синдикалистских Групп.**

Питерская Федерация имеет своей основной задачей координирование действий отдельных входящих в состав Федерации Анархо-Синдикалистских Групп и способствование развитию Анархо-Синдикалистского движения.

С этой целью

Питерская Федерация Анархо-Синдикалистских Групп:

1) устраивает лекции, митинги, собеседования, чтения и т п.;

2) издает свой федеративный орган;

3) организует и способствует организации новых Анархо-Синдикалистских Групп.

Состав Федерации.

В **Состав Федерации** могут вступать на началах полной автономности Анархо-Синдикалистские Группы, воспринимающие основные принципы, упомянутые в етом договоре.

Средства Федерации.

Средства Федерации составляются из 10% отчисления с доходов каждой из групп, из доходов от предприятий федерации и пожертвований.

Ведение дел Федерации.

Ведение дел Федерации поручается Делегатскому Совету, составленному из делегируемых на три месяца каждой группой двух членов.

Делегатский Совет из своей среды выделяет секретариат из трех лиц для ведения дел и отчетности Федерации.

Изменение и дополнение договора

Всякое изменение или дополнение этого договора действительно только после утверждения его всеми группами, входящими в состав Федерации.

Выход из Федерации.

Всякая группа может в любой момент расторгнут этот договор и выйти из Федерации.

Примечание. В случае, если такой выход повлечет за собой какой-либо материальный ущерб для Федерации, то выходящая группа, по мере своих сил, возмещает этот ущерб.

К истории возникновения Питерской Федерации.

К концу июля, началу августа текущего года Анархо-Синдикалистское движение в Питере замерло почти совершенно. Существовала лишь Колпинская Группа, да бродили одиночки, изредка встречавшиеся друг с другом в книжном складе б. Петроградского Союза Пропаганды Анархо-Синдикалистов.

Наконец, в первых числах августа в помещении того же Союза — на Жуковской, 38 — группа товарищей об'единилась в Петроградский Клуб пропаганды идей Анархо-Синдикализма. Совершенно случайно возникновение Клуба приблизительно совпало с Первой Всероссийской Конференцией. В связи с этим, в Клубе началась энергичная работа по подготовке к ней: вопросы, поставленные в порядок дня, тщательно обсуждались и дебатировались, читались доклады, — вообще выявлялись мнения питерцев и их отношение к событиям дня.

В то же время магазин и книжный склад продолжал служить „явочным" пунктом для всех одиночек, еще не организовавшихся в группы.

На Первую Конференцию от Клуба Пропаганды в Москву поехали два делегата и повезли с собою вылившиеся в резолюциях мнения питерцев по всем вопросам, поставленным в порядок дня.

Уехали делегаты в Москву, началась и закончилась Конференция — и за это время Питерский Клуб „отличился": за неделю работ Конференции не состоялось ни одного собрания, и даже возвратившимся из Москвы делегатам три раза пришлось созывать собрания Клуба, чтобы сделать доклад о Конференции — первые два, „за отсутствием кворума", не состоялись.

Работа в Клубе снова замерла. Но ненадолго: в начале октября состоялось, наконец, организационное собрание, на котором присутствовавшие члены Клуба об'единились в группу и об'явили всех неявившихся — выбывшими из числа членов Петроградского Клуба Пропаганды Идей Анархо-Синдикализма. Снова на Жуковской началась работа, стали завязываться связи, так как семена, посеянные прежде клубом, не пропали: одиночки стали сорганизовываться.

Возникли новые группы — Почтово-Телеграфных работников, затем Студенческая, и, наконец, Группа II-го Городского Района...

И перед Петроградским Клубом встали две задачи: во-первых — об'единить Питерские Группы в Федерацию, и во-вторых — подготовиться ко Второй Всероссийской Конференции.

Клуб, с явным желанием наверстать потерянное, энергично принялся за работу, и в первых числах ноября месяца — состоялось в Клубе Группы Почтово-Телеграфных работников делегатское совещание пяти Питерских Анархо-Синдикалистских Групп.

Был выработан проект Федеративного Договора и выражено пожелание в кратчайший срок приступить к изданию Органа Федерации.

Вопрос же о создании последней настолько назрел, что обсуждался в группах не принципиально, но практически, и Федеративный Договор с незначительными, приемлемыми для всех поправками, был принят всеми группами.

12-го ноября состоялось первое заседание Делегатского Совета, немедленно же приступившего к практической работе и выделившего из своей среды Временный Секретариат Питерской Федерации Анархо-Синдикалистских Групп и Редакционный Коллектив.

Делегатами всех групп было выражено горячее пожелание немедленно приступить к изданию Органа Федерации—двухнедельного журнала „Вольный Труд".

Редакционный Коллектив приступил к работе, открылся сбор на издание и результатом явился наш журнал.

В настоящее время, работа в Федерации идет полным ходом: Группам нужно наверстать затраченное в работе по созданию Питерской Федерации время и подготовиться ко Второй Всероссийской Конференции.

Товарищи!

Отдел „Хроники" сможет правильно и всесторонне освещать рабочую жизнь и рабочее движение лишь при условии присылки вами в редакцию „Вольного Труда" сведений о жизни ваших заводов, профессиональных союзов и пр.

* * *

На последнем открытом собрании в Петроградском Клубе Пропаганды Идей Анархо-Синдикализма был поднят вопрос о возсоздании Анархического Интернационала.

Товарищами было постановлено: Второй Всероссийской Конференции предложить выделить специальную делегацию для поездки за-границу и принятию конкретных мер к созыву Международной Конференции Анархистов.

* * *

Группой Почтовиков Анархо-Синдикалистов открыт Клуб, помещающийся на Морской ул., 61. Справки выдаются ежедневно от 4 ч. до 8 ч. вечера.

* * *

Петроградская Федерация потель-работников издает еженедельную газету „Известия Телеграфа". Вышло 13 №№.

Газету можно получать в Клубе Анархо-Синдикалистов Почтовиков и в Петроградском Клубе Пропаганды Идей Анархо-Синдикализма — Жуковская 38, кв. 22.

Отчет о средствах журнала „Вольный Труд".

К 20-му ноября поступило от товарищей из „Петроградского Клуба Пропаганды Идей Анархо-Синдикализма" **1.460** руб.

Подробный отчет о приходных и расходных суммах будет дан в следующем номере.

Воззвание.

ТОВАРИЩИ!

Питерская Федерация Анархо-Синдикалистских Групп

НАЧАЛА ИЗДАВАТЬ РАБОЧИЙ ЖУРНАЛ—
наш двухнедельник

„Вольный Труд".

Как рабочее издание—он может продержаться лишь с вашей помощью, товарищи!

Он может издаваться лишь на ваши, рабочие, трудовые деньги. Каждая копейка на счету! Шлите вашу лепту на общее рабочее дело, организуйте сборы в Фонд „**Вольного Труда**".

Помните—без вашей поддержки он погибнет!

Об'явление.

Петроградский Клуб

ПРОПАГАНДЫ ИДЕЙ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

помещается на ул. Жуковскаго, д. 38, кв. 22.

Открытые собрания, собеседования и чтение рефератов происходят по средам и воскресеньям от 7 часов вечера.

В клубе организована продажа анархической литературы:

журнала „**Вольный Труд**" и
газеты „**Известия Телеграфа**".

ПРИ КЛУБЕ ИМЕЕТСЯ БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ.

Вход свободный.

ИЗДАТЕЛЬ: Питерская Федерация Анархо-Синдикалистских Групп.

РЕДАКЦИОННЫЙ КОЛЛЕКТИВ: Б. Стоянов. М. Топтыгин.

Цена 2 руб.

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА
помещается—ул. Жуковскаго д. 38, кв. 22.

Прием по делам Редакции и Конторы по средам и воскресеньям
от 7 ч. до 10 ч. вечера.

Типография „Маяк", ПТГ. Вознесенский пр. 47.